

ВОСВОЯСИ

Восвояси хочу, восвояси.

Чтобы там, в деревенской глуши,

Бесполезное дерево ясень

Поливать и растить для души.

Восвояси хочу, восвояси.

Там не страшно ходить босиком.

Там любой мне понятен и ясен,

Потому что с рожденья знаком.

Восвояси хочу, восвояси.

В легкий говор, родной и смешной,

Чтобы память смогла приукрасить

Многотрудно освоенный мной

Дальний город, где в уличной вязи

Заплелась и мои завитки,

И где ждет меня дерево ясень,

И моей не боится руки.

ТАК ВСЕ И КОНЧИЛОСЬ

...так все и кончилось. Хорошо.

Всякой потехе — час.

Выправит красным карандашом

Осень ошибки в нас.

Как же их много... Никто не слеп.

Даже моя тоска.

Вот — полюбилось смотреть вослед

Более, чем искать

Встречные взгляды. Сухим листом,

Выдохнув страх и дрожь,

Жизнь обнаженной легла на стол

Осени, как под нож.

Стоит ли думать о запятых?

Сам пересыплет сад

Вызревшей в приступе немоты

Маковостью досад

Перечень листьев. А что слова?

Сколько их ни чини,

Все зачеркнет и поставит «два»

Осень. За цвет чернил.

ПОХОЛОДАНИЕ

Похолодание.

Похолодание.

Люди сутулятся.

Ежатся здания

Стенами всеми

И даже простенками,

Как неврастеники.

Зябнут растения.

Мерзнут в кафе

Опустевшие столики,

Стулья и стойки.

С какой-то символикой

Хлопают флаги

У клубного входа,

Полные влаги

И холода.

Мода
Вновь уступает
Желанью согреться
Свитером, сном,
Горячительным средством,
Просто соседством
Волнующей внешности.
Похолодание —
Повод для нежности.

ЗАВТРА ВЫПАДЕТ СНЕГ

Этот северо-северо-западный ветер
горчит, как полынь.
И тасует колоду опавшей листвы,
и гадает, и врет.
Все, что тайно, запретно, что куплено
из-под полы —
Это просто стокгольмский синдром,
это скоро пройдет.
Этот пасмурный день вдохновенен и слеп,
как античный певец,
Так же грезит великими битвами,
так же бормочет слова.
Узнает нас на ощупь, как будто
и мы под конец —
наконец-то причалили порознь
к своим островам.
Этот северо-северо-западный ветер
не дружит с умом,
И кудели тумана прядет в дождевую
холодную нить...
И заплачется день, и очистится небо само.
На минуту прозреет — увидеть
и все изменить.
И простить белизну забытья парусам
непросохших простынь.

И прочесть неразборчивость почерка
писем на стеклах во сне...
Иероглифом изморозь ляжет, и смысл
его будет простым:
Ночью выпадет снег.

Когда-то, ты знаешь ли, мне леталось...
Теперь, ты поверишь ли, неохота...
Исходов лишь временна не летальность,
А леньность ходов или переходов
Из уровня — ровень своей кровати —
На уровень — липовых медосборов,
Вцепившись в рукав, умоляет: хватит
Болтаться вне времени и опоры,
Слоняться чужими блажными снами,
Спиваться бессонницами чужими...
Откуда и что это, друг мой, с нами —
Прижимистость чувства и жизнь в режиме
Сидячей работы и снов незрячих,
И поисков лифта в хрущевках... это —
Как впрок запастись водой горячей
На лето. На долгие лета. До Леты.

ДИКИЙ ВИНОГРАД

Осенним паводком затоплены сады.
Сады полны по самые ограды —
Так много неба не было еще.
Листва устала, собраны плоды,
И терпкий, дикий пурпур винограда
Повис небрежно брошенным плащом.
Добычей челяди большого кутежа
Во славу улетающего лета
Он станет чуть попозже, а пока
Нам, тем, кто пир намерен продолжать,

Он дразнит память шелковой мулетой —
Чудовищного сонного быка.
Пока вино еще не выболтало правд,
Спи, память, спи, коррида будет завтра,
Где ты и я сойдемся, и песок
Долгов, желаний, обязательств, прав -
смешает враз смирение с азартом,
И выьет кровь, как виноградный сок...

Черпаю жизнь и пью ее тепло
Из пригоршни, пока оно сквозь пальцы
Не вытекло и холод незнаком.
Пока октябрь — повеса и трепло,
Игриво набиваясь в постояльцы,
Не протрезвел — моим крепостником.

ТОСКА

Хоть ты монетками звени,
Хоть бубенцами,
Но не свести нам, извини,
Концы с концами.
И перемеривая жизнь
На вес, вещами,
Когда же мы с тобой, скажи,
Так обнищали?

А через шаткие мосты,
На пару с летом
Тоска, мотивчиком простым,
Таскалась следом,
И желтым светом фонарей
Во тьму косилась,
И проводила до дверей,
И напросилась.
Ложилась всем, что прощено,
Как покрывалом,

И, как привязчивый щенок,
Не отставала.
И померещилось в ночи —
Она не злая...
И я взяла твои ключи,
И отдала ей.

FIVE-O'CLOCK

Дети мои, слова, маляры-штукатуры,
Золотошвеи, вязальщицы Робеспьера!
Время достигло комнатной температуры,
Замерло время, замерла даже вера.
С той стороны света — ни зги не видно.
С той стороны музыки — нет ни звука.
Тот, кто *in vivo* смотрит на нас — *in vitro*,
Просто берет нашу жизнь, будто чашку, в руку
И разбивает в жажде каких-то истин
Зеркало неба пристальным поцелуем.
Кто-то, гадая по нам, как по чайным листьям,
Более нашего верит, что мы — не всуе.
Ну, а без веры есть ли на свете правда?
Пусть он увидит знаки пути и срока.
Дети мои, слова, лишь у вас есть право
Вырваться из безвременья *five-o'clock'a*. ■